

Д. Ц. Цыденова¹, В. А. Бурнаков^{1,2}

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

ruta22@rambler.ru

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ БУРЯТСКОГО УЧЕНОГО-ЭТНОГРАФА С. П. БАЛДАЕВА *

Статья посвящена анализу малоизвестной архивной рукописи бурятского ученого-этнографа С. П. Балдаева «Культ огня у северных бурят-монголов». В ней рассматриваются отдельные стороны культа огня у прибайкальских бурят. В традиционных представлениях почитание огня земного было неразрывно связано с поклонением огню небесному, олицетворением которого выступали небесные светила и определенные атмосферные явления. Дальнейшее развитие этих религиозно-мифологических представлений способствовало формированию культа неба – *Тэнгри* («Хухэ Мунхэ Тэнгри» – ‘Синее Вечное Небо’). Он воплощал целостную систему воззрений об астральных объектах и метеорологических явлениях. Кроме того, с *Тэнгри* связывался целый комплекс представлений о мире, жизни, судьбе человека и народа. Согласно архаическим верованиям, Небо, будучи трансцендентальным космическим божеством, воплощало в себе все сущее и являлось первопричиной всего на земле. *Тэнгри* воспринималось как персонифицированное вездесущее мужское божественное начало. Небеса одновременно осмыслились как непосредственное проявление этого абстрактного божества и в то же время место обитания *тэнгри* – верховных божеств-небожителей. С ними связывалось происхождение кузнечного культа, отдельных шаманских практик, а также представления о тотемах и предках.

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, мифы, обряды, *Тэнгри*, кузнечный культ, шаманизм.

Сергей Петрович Балдаев – известный бурятский ученый. Его перу принадлежат многочисленные работы по бурятской истории, этнографии и фольклору (см.: [Балдаев, 1958; 1959; 1961] и др.).

С. П. Балдаев родился в 1889 г. в улусе Хохорск Боханского аймака Иркутской губернии. Его отец – Петр Балдаев, был зажиточным земледельцем и скотоводом. Имел шестерых сыновей. Высокий социальный статус и материальные возможности позволили ему дать образование сыновьям. Сергей – второй сын, в 1900–1909 гг. учился

в местных образовательных учреждениях, в том числе и в училище Иркутской учительской семинарии. По свидетельству биографов, среди родных и близких родственников ученого было много знаменитых исполнителей фольклора и знатоков традиций и обычаев. Это, безусловно, в будущем повлияло на выбор им профессии [Туденов, Уланов, 1959. С. 2]. Он продолжительное время работал в Тункинском, Осинском, Боханском, Ольхонском и Эхирит-Булагатском аймаках (районах) Бурятии, совмещая педагогическую деятельность с научной.

* Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ.

После окончания вуза он прошел обучение в аспирантуре при Институте народов Востока. В 1931–1958 гг. его трудовая деятельность была связана с вузами, музеями и научно-исследовательскими институтами Бурятии и Ленинграда. С 1959 г. и до своей кончины в 1978 г. С. П. Балдаев работал в Бурятском комплексном научно-исследовательском институте (впоследствии – Бурятский институт общественных исследований). Он оставил богатое рукописное наследие. В его личном архиве имеется более 100 записей объемных героических эпопей, более 100 сказок, 6 000 пословиц и поговорок, 5 000 загадок, более 15 000 песен различных циклов, легенд и преданий, благопожеланий и проклятий, устных рассказов, прославлений, народных примет и поверий, а также фольклорных материалов по шаманизму. Им был собран огромный корпус уникального материала по традиционным верованиям бурят, значительная часть которого до сих пор остается неопубликованной [Балдаев Сергей Петрович, 1994. С. 18; Михайлов, 1998].

В число неопубликованных входят и материалы, хранящиеся в архивном фонде Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» РАН (Санкт-Петербург). Эти архивные документы представлены рукописью его статьи под названием «Культ огня у северных бурят-монголов»¹. Работа датируется 1937 г. и представлена в виде машинописного текста общим объемом девять листов. Следует отметить, что термин «статья» лишь условно применим к данному труду, который в большей степени представляет собой сборник материалов по отдельным религиозным воззрениям бурят с небольшими комментариями к ним. Да и само наименование работы не совсем точно передает ее главное содержание. Основная часть этого труда все же посвящена не культу огня как таковому, а традиционным мифологическим представлениям бурят об отдельных *тэнгри* – божествах-небожителях, в том числе и о тех, которые имели определенную связь со стихией огня. Все эти сведения были записаны ученым в ходе его полевых этнографических сборов от бурят – представителей старшего поколения, в том числе и лично от шаманов, преимущественно

но проживавших в Прибайкалье. Данный материал точно характеризует традиционные представления бурят конца XIX – середины XX в. Несмотря на дескриптивный характер работы, приводимые в ней сведения ценны, оригинальны и, несомненно, представляют большой интерес для читателей. Они впервые вводятся в научный оборот.

Свое повествование С. П. Балдаев начинает с рассмотрения мифологического сюжета о появлении огня у бурят. Согласно ему, огонь впервые был передан людям с неба. При этом автор отмечает, что на момент написания статьи (1937 г.), в бурятской этнографии и фольклористике этиологический сюжет о появлении огня из верхней сферы мироздания был еще не достаточно разработан². С. П. Балдаев, подобно сторонникам старой (XIX в.) мифологической школы, считал, что мифологические суждения о земном огне тесно переплетены с архаическими представлениями о небесных объектах и явлениях. В русле данной идеи огонь земной выступал в качестве воплощения огня небесного – солнца, молнии и т. д. Космические объекты и метеорологические явления занимали ведущее место в верованиях тюрко-монгольских народов Сибири, что способствовало формированию у них культа Неба. Согласно этим суждениям, все астральные объекты и атмосферные явления воплощают собой идею Неба, как высшего трансцендентного неперсонифицированного божества – «*Хухэ Мунхэ Тэнгри*» – ‘Синего Вечного Неба’ (см.: [Неклюдов, 1988а; 1988б; Кляшторный, 1988; Бурнаков, 2013а] и др.). В связи с этим исследователь сообщал, что «гром бурято-монголы Забайкалья называют песнью неба “тенгерин дуун”. А когда гремит гром, говорят: “тенгери дуу гараа”, что в переводе на русский означает “небо поет”»³. Следует заметить, что схожие представления о громе – «күгүрт нызырагы» – как о «гласе небесном» имели место и в культуре хакасов [Бурнаков, 2013б. С. 256–257].

В культуре бурят подобные мифологические воззрения о Небе дополнялись и иными. Небо осознавалось еще и в качестве местообитания верховных божеств – *тэнгри* (небожителей), общим числом 99, из кото-

¹ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К-V. Оп. 1. № 10.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

рых: 44 – Восточные (черные / злые) и 55 – Западные (светлые / добрые) *тэнгри* [Дугаров, 2005; 2007]. В рассматриваемых материалах С. П. Балдаев представил интересные и редкие сведения лишь об отдельных *тэнгри*. По мнению исследователя, они имели отношение к образу небесного огня. Среди них он выделил такое небесное божество, как *Сарь-Саган тэнгри*. Ученый писал: «Эхирит-булагатские буряты гром и молнию приписывают небу Сарь-Саган тенгери, Сахилгата будалу, помощнику его Хоходой мергену, который имеет жену – Холто-хатан, сына Хорсо-мерген. Сарь-Саган тенгери и Хоходой мергена относят к западным хатам и считают братом их. Унгинские бурято-монголы, живущие в улусе Бутухай, Бильчир, Онгой, Тайшинский на своих тайлаганах (обрядов жертвоприношений. – Д. Ц., В. Б.) Баоруни хатам /западным хатам/ призывают Сарь-Саган тенгери наравне с другими западными тенгеринами»⁴.

Из сонма верховных духов С. П. Балдаев особо выделяет небесного стрелка *Хухэдэй-мэргэна*. Следует заметить, что в фольклоре тюрко-монгольских народов Южной Сибири его образ чрезвычайно широко распространен. При этом в различных этнических средах герой чаще предстает под такими именами, как Кокоей, Когудей, Когольдей, Коголь-маймаг, Кокетей, Хохосо и др. Вместе с тем данный мифологический персонаж неизменно выступает в роли громовержца, первопредка, героя этиологического сюжета о происхождении созвездия Орион, охотничьего или военного божества [Неклюдов, 1988в. С. 609]. И в бурятской мифологии *Хухэдэй-мэргэн* также исполняет функцию громовника и пр. С. П. Балдаев в своих материалах представил один из вариантов данного мифа. В его тексте имя героя обозначается как *Хоходой мерген*. Приведем его целиком: «Хоходой мерген как лучший стрелок, меткий охотник на зверей был взят на небо живым. Его сделали хранителем грома и молнии, которые и находятся с того времени в полном его распоряжении. По поводу того, как Хоходой мерген сделался хранителем грома и молнии, существует рассказ такого содержания: Хоходой мерген, когда жил на земле, имел жену и трех сыновей и дожил до глубокой старости. Од-

нажды он сказал сыновьям, что приходит конец его земному существованию, и велел приготовить смертную одежду и назначить также лошадь. Когда все было приготовлено, Хоходой мерген оделся, простился с семьей, сел на коня и поехал по направлению на восток, к царству Эрлен хана. Продолжая свой последний путь, он доехал до того места, где расходятся три дороги. Недолго думая, он выбрал средний путь и поехал по нему. По дороге он увидел впереди себя дом, подъехал к нему, остановился и вошел в него. В доме никого не было. Спустя некоторое время к дому подъехало 4 молодых человека. Увидев гостя, они очень радушно приняли его, накормили досыта и оставили его беречь и стеречь дом. Уезжая на другой день на охоту, молодые люди строго-настрого приказали ему не трогать и не открывать ящик, стоявший в доме.

Оставшись один, Хоходой мерген долго боролся со своим любопытством. Наконец, любопытство его преодолело. Он открыл запретный ящик. В ящике увидел крылатую одежду и разноцветные граненые камни. Вместе с тем он получил возможность видеть все, что делалось на земле. Он заметил на земле, что один человек крадет из чужой юрты картофель. Он рассердился на вора и пустил в него одним камнем, лежащим в ящике, а ящик запер. Когда возвратились молодые люди, они сильно упрекнули Хоходоя в том, что не послушался их, говоря, что от его непослушания произошло столько несчастий на земле, что за одного человека сгорел целый край. Хоходой мерген пытался сначала отпереться от своего поступка, но, видя, что его уличают, признался. Молодые люди сказали в ответ, что они хорошо знают то, что делается на земле, ибо они каждый день обходят землю.

На другой день молодые люди уехали опять в свой обычный разъезд, наказав не открывать ящик и не надевать крылатых платьев. Хоходой мерген опять долго боролся со своим любопытством, наконец любопытство преодолело. Он надел одно из крылатых платьев и в ту же минуту стал летать по дому. Он испугался и насилу снял с себя одежду и положил ее обратно в ящик. Хозяева, вернувшись, сказали: зачем ты надевал одежду; если бы ты полетел из дома, то погубил бы всех людей на земле.

После этого молодые люди сделали его хранителем грома и молнии /ящика с гране-

⁴ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К-V. Оп. 1. № 10. Л. 3–4.

ными камнями/, приказав строго производить гром по распоряжению богов, и разъяснили, что гром пускается на духов и грешных людей и только через богов»⁵.

В продолжение темы мифологического восприятия бурятами такого звукового атмосферного явления, как гром, С. П. Балдаев рассматривает их традиционный ритуальный комплекс, сопровождающий этот природный феномен, в том числе и шаманскую практику. Материал, как сообщает автор, был записан им у балаганских бурят, со слов его информаторов – 80–90-летних стариков. Эти сведения в свою очередь были получены ими от балаганского шамана – потомка знаменитого в свое время шамана Барлака, «умершего 150–160 лет тому назад». Согласно повествованию, «гром происходит от различных тенгеринов, а именно: восточных, западных или Усан хатов. Когда кого-либо поразит громом, отправляются к 9 шаманам спрашивать и поворожить: какое небо послало гром и причинило несчастье. Шаман ворожит и указывает на то небо, которое послало гром. Расходы по призыванию неба пославшего гром по приглашению шамана, по похоронам пораженного громом – относят за счет общества. При призывании пославшего гром неба употребляется 9 звериных шкур; выбирается девять человек, называемых “есон хубун”, которые помогают шаману при совершении обряда призывания и похорон убитого. Пораженного громом (человека или животное) ставят на досках, укрепленных на 4-х столбах, называемых “аранга”. Место, где произошло поражение громом, отгораживают, чтобы не подходили люди и скот. При похоронах людей, пораженных громом, одеваются в белый шелк или чесучу; также делают для лошади покрывало из той же материи»⁶.

Необходимо отметить, что аналогичная обрядность в отношении людей, убитых молнией, имела место и у других групп бурят, в том числе агинских. В подобной ситуации считалось, что таких людей избрало само Небо – *Тэнгри*. По традиции их требовалось захоронить особым способом, чаще практикуемым по отношению к умершим шаманам. Для этой цели пораженного молнией человека одевали в *оргой* (специаль-

ный костюм), отвозили в шаманскую рошу, где и оставляли на специально устроенном помосте – *аранга*. Рядом клали пищу и ставили вино [Цыденова, 2009. С. 116]. Подобный мировоззренческий комплекс и обрядовая практика, но по отношению к животным, убитым молнией, были присущи и тюркам Южной Сибири, в частности хакасам [Каратанов, 1884. С. 21–22; Катанов, 1897. С. 39–40; Бурнаков, 2013б. С. 255–256].

С. П. Балдаев относит к группе божеств, имеющих непосредственное влияние на метеорологические явления, такой персонаж, как *Хурайн нойон* – «хозяин дождя». Наряду с божеством снега (*Будургу-Саган тэнгри*) он принадлежит к категории небожителей. При этом в небесной иерархии божеств *Хурайн нойон* занимает относительно невысокую ступень и примыкает к группе младших духов. На это главным образом указывает то обстоятельство, что в мифах он идентифицируется лишь в качестве *нойон*, а не *тэнгри*. В мифологическом сознании бурят этот титул обычно ассоциируется не с фигурой конкретного *тэнгри*, а с его сыном либо другим подчиненным ему лицом⁷.

Буряты верили, что *Хурайн нойон* живет в небесной сфере и владеет темно-серым каменным дворцом с 9 бочками воды. Считалось, что если открыть лишь только одну бочку, то дождь пойдет непрерывно в течение трех суток⁸. В этой связи С. П. Балдаев привел следующий миф: «О Хурайн нойоне балаганские бурято-монголы рассказывают следующее: однажды на земле была сильная засуха. Кудинский шаман Маланак Хабалзаев, по просьбе улусных стариков, поднялся на небо и пришел в присутственное место тенгеринов, в отдел заведывания дождем, но никак не мог попасть туда. Наконец, силой своего волшебства он нашел кое-как отверстие величиною с игольное ушко, через которое и пролез. Зашедши в канцелярию заведывающего дождем, он спросил: где начальник? Ему ответили, что начальник ушел на надан /вечерка/. Девять дней ждал Маланак Хабалзаев. На десятый день пришел Хурайн ноен. Маланак изложил ему свою просьбу, указывая, что от сильной засухи люди и животные мрут, что земля горит во многих местах. Начальник дождя приказал

⁵ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К-V. Оп. 1. № 10. Л. 4–5.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 5–6.

⁸ Там же. Л. 5.

открыть ему ближайшую бочку, стоящую в его канцелярии. Маланак открыл ее, и дождь полил в течение трех суток. Люди на земле говорили, что небесное дно провалилось. Когда же перестанет дождь? Хурайн ноен услышал эти слова и сказал: не угодишь людям! По возвращении на землю шаман передал людям, что говорилось в его присутствии у Хурайн ноена»⁹.

В изложенных материалах зафиксировано бурятское представление об образе «небесного дна» – своеобразном вместилище дождя. Данное традиционное суждение обнаруживает поразительное сходство с мифологическими воззрениями тюрок Южной Сибири, в частности хакасов. Так, в культуре этого народа бытует поговорка, характеризующая ненастную погоду с затяжными дождями: «*тигир төбi тизил партыр*» – букв. ‘неба дно продырявилось’, а одним из названий дождя было – «*тигир сыгы*» – букв. ‘небесная влага’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 614]. Следует добавить, что во многих языках существует устойчивая связь между понятиями «небо» и «погода». Так, тесная структурная и семантическая взаимосвязь в хакасском языке слова «*тигир*» – ‘небо’ с понятиями «климат» и «погода» отмечена материалами В. Я. Бутнаева, например: «*тигир чайыхча*» – ‘небо проясняется’, «*тигир импче*» – ‘погода теплеет (зимой)’, «*тигир нымзапча*» – ‘погода смягчается (летом)’, «*пургунныг тигир*» – ‘погода с метелью’ [1999. С. 141]. Подобные воззрения были обусловлены абсолютным фактом того, что атмосферные явления и осадки имеют прямое отношение к небу, так как, собственно, исходят оттуда.

С. П. Балдаев в своих материалах останавливается и на рассмотрении некоторых астральных воззрений бурят, главным образом, связанных с планетой Венера – бурят. ‘Солбон’. Исследователь, рассуждая о ее месте в пантеоне бурятских божеств, пишет, что по значимости «вслед за Гали-эжином»¹⁰

⁹ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К-V. Оп. 1. № 10. Л. 6.

¹⁰ Гали эжин – Сахада нойон, Сагада нойон, Сагадай убугун («старец Сагадай»), Гали эжен Сагадай убгён («владыка огня старец Сагадай»), в бурятской мифологии божество огня, покровительствующее семье, деторождению, домашнему очагу; предок всех многочисленных и безымянных духов огня, обитающих в каждом очаге. Вместе со своей женой Санхалан-хатун (Сахала, Сахали, Санхурун, Занхалан) Сахада нойон является почитаемым онгоном – икониче-

(хозяйном огня) уместно поставить божество, которое по происхождению родственно Сахядай ноену, жене его Сахала хатан. Это звезда Солбон и ее покровитель Солбон Саган тэнгэри, или, иначе, Уха Солбон. Небесное божество, как передал шаман бывшего Ольхонского ведомства Верхоленского уезда, Баендай Башанхаев, было сыном Эсэгэ Малан Тэнгэри. Солбон – есть звезда, которую можно видеть вечером и утром. Солбон у русского населения называется Утренней и Вечерней зарницей, в науке – Венерой»¹¹. Необходимо заметить, что в мифологии монгольских народов и сибирских тюрок *Солбон* неизменно выступает персонификацией и духом планеты Венера, небесным божеством. Этот астральный объект хорошо заметен невооруженным глазом и проявляется в виде яркой звезды вечером на западной стороне и утром на восточной стороне неба. При этом особенностью мифологического восприятия бурятами (и в целом – монголами) образа этого космического объекта является наделение его прямой связью с коневодством. *Солбон*, как и ее непосредственный гений-покровитель *Солбон Саган тэнгэри*, считался покровителем коней. Подобные убеждения нашли отражения в народных приметах. Верили, что если осенью родится жеребенок после появления звезды *Солбон*, то он будет хорошим конем. Буряты посвящали *Солбон*’у чубарого коня и совершали *хурай* – бескровную жертву в виде подношения пищи, кропления молочными и алкогольными напитками¹². Однако, как пояснил С. П. Балдаев, в прошлом аларо-боханские буряты совершали этому божеству и кровавые жертвоприношения: «Солбон Саган Тэнгэри или Уха Солбону бурят-монголы, относящиеся к Готольским родам, приносят жертвоприношение животными, приблизительно 23–27 июня месяца (нов. ст.). Этот тайлаган называется Ехэ тайлаганом. Уха-Солбону совершают подношение аракой и вином во время праздника “Адуунай дэлесэн”, совпадающего с русской

ским «вместилищем» духа родового огня и одновременно его конкретной персонификацией; его представляли человеком красного цвета... Имя Сахада нойон является производным от сахиха – «блеснуть» (о молнии), «высечь» (огонь с помощью кремня и огнива) [Неклюдов, 1988г. С. 418–419].

¹¹ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К8-V. Оп. 1. № 10. Л. 1.

¹² Там же.

Пасхой и Егорьевым днем. В призывании праздника “Адуунай дэлесэн” говорится следующее:

Толстый тальник
Крепкий Манхай,
Хотогор Майха, Уха Солбон
Оплодотворяющие в одеяле детей,
Во дворе скот...

Из этого маленького отрывка видно, что праздник “Адуунай дэлесэн” был посвящен богу скота и детей. По сказаниям шаманов, Солбон имел три жены. Младшая жена была простой буряткой, дочерью бурято-монгола Верхоненского уезда, Ользоновского рода, Ухадая, по имени Хархан-Шаралган. Она была просватана за бурята, но Солбон похитил ее из-за красоты. Во время свадебного поезда он схватил ее и понес на небо в свой белокаменный дворец. От первых двух жен Солбон детей не имел, от третьей жены у него родился Сокто-Мерген¹³.

Изложенный материал показывает, что астральные воззрения бурят, как и многих других народов, были неразрывно связаны с коневодством и в целом – со скотоводством. Так, у хакасов традиционные астрономические знания были определены самой системой жизнеобеспечения людей. Это главным образом определялось необходимостью ориентации по небесным светилам в пространстве и времени, в координации хозяйственной и иной деятельности. Так, на таежных промыслах и при перекочевках требовались навыки ориентирования по «небесной карте». Немаловажное значение в этих процессах уделялось и наблюдениям за планетой Венерой.

Завершающая часть работы С. П. Балдаева посвящена рассмотрению кузнечного культа у балаганских и кудинских бурят. Следует констатировать, что культ кузнецов (бурят. *дархан*) у бурят в дореволюционное время получил чрезвычайно широкое развитие. Изучению этого культурного феномена у различных этнических групп бурят посвящен целый ряд работ (см.: [Хангалов, 2004; Манжигеев, 1987; Санжеев, 1980; Михайлов, 1980; 1987; Галданова, 1987; Абаева, 1991; Бадмаев, 1996; 1997а; 1997б] и др.).

Между тем кузнечный культ у балаганских и кудинских бурят в этнографической науке все еще остается слабо изученным. И представленные материалы С. П. Балдаева в определенной степени восполняют образовавшуюся лакуну.

Исследователь в своей работе совершенно справедливо отмечает прямую связь кузнечного культа с почитанием Неба. И приходит к мысли о том, что главенствующая роль Неба в бурятском (и шире – тюркомонгольском) мифоритуальном комплексе способствовала тому, что происхождение отдельных промыслов и ремесел верующие приписывали небесным божествам – *тэнгри*. К подобному виду деятельности относилось искусство обработки и изготовления всевозможных изделий из металла¹⁴. С. П. Балдаев заостряет внимание на том, что в верованиях кудинских и балаганских бурят поразному интерпретируется происхождение кузницы и первых мастеров-кузнецов: «Кудинские буряты главой кузнецов считают сына неба Заян-сагана Бохо Муя, принадлежащего к западным тенгерином, но изобретение кования железа приписывают не только ему, но и сыну Гужир тенгери. Здесь Гужир тенгери отнесен к восточным тенгерином, тогда как в перечне сыновей Сер-Сага Манан тенгери, записанном со слов кудинских шаманов и бурято-монгол, Гужир Саган тенгери должен быть западным. Бохо Тели, сын Гужир тенгери, первый построил кузницу и стал ковать руду, но железо у него выходило такое хрупкое, что каждый раз, как оно накаливалося докрасна в печи, оно под молотом разлеталось в куски. Однажды, говорится в предании, западные тенгеринины услышали сильный шум на востоке неба и послали узнать о причине грома и шума Бохо Муя. Когда этот увидел неудачную попытку Бохо Тели ковать железо, он тотчас же предложил себя в помощники. Бохо Тели согласился. Бохо Муя бросил в печь горный песок /хадайн харь/. После этого железо сделалось ковким. Бохо Муя завладел и кузницей, и потому изобретение искусства ковать железо приписывается западным тенгерином, к которым принадлежит Бохо Муя. Но восточные тенгеринины также покровительствуют кузнецам, так как

¹³ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К8-V. Оп. 1. № 10. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Л. 6.

Бохо Тели был кузнецом и построил себе новую кузницу»¹⁵.

С. П. Балдаев, сравнивая воззрения кудинских и балаганских бурят о кузнечестве, делает вывод о том, что последние связывали происхождение этого культа лишь с западными *тэнгри* – небожителями. Он отмечает: «В Балаганском ведомстве, со слов одного шамана, записано следующее предание. Первым кузнецом на небе был Дадага Хара дархан. Он имел в подчинении 73 кузнеца. Все 74 кузнеца, включая и самого Дадага Хара дархана, принадлежат к западным тенгеринам и спустились с западного неба на высокие горы Мундарга /Тункинские/. Призывание кузнечных богов гласит:

На западных 99 Мундарга
Спустились хозяевами,
Имея мех привязанным на спине,
Спереди держали наковальню,
В правой руке держали молот,
В левой руке большие клещи,
Божонтой кузнец и 9 сыновей,
Хозяин меха Хор Саган ноен.
Хозяин наковальни Дольто Саган ноен,
Хозяин молотка Бохир Саган ноен,
Хозяин клещей Утагасан ноен,
Хозяин наковальни Хун Саган ноен,
Хозяин больших клещей Алак Саган
ноен,
Хозяин горна Хилман Саган ноен»¹⁶.

Исследователь обратил внимание на то, что в традиционных представлениях кудинских и балаганских бурят кузнецы разделялись на «белых» и «черных»¹⁷. Их цветовая градация, по мысли верующих, зависела от того, каким божеством передавалось человеку кузнечное мастерство – западными (светлыми) или восточным (черными) *тэнгри*'ями, а также по условной специализации – обработке черного или цветного металлов (ювелирами). С. П. Балдаев по этому поводу писал: «Между кузнецами, как и между шаманами, различаются белые и черные кузнецы. Они подчиняются то западным, то восточным тенгеринам, смотря по своей специальности. Кузнецы, обрабатывающие железо, называются черными кузнецами,

а кузнецы, обрабатывающие серебро, золото – белыми кузнецами. От этого зависит происхождение и специальность кузнецов»¹⁸.

Ученый в своем труде затронул такую интересную тему, как взаимоотношение между кузнецами и шаманами. Следует отметить, что в прошлом кузнецами-дарханами нередко были и шаманы. В непосредственной связи с почитанием кузнечного ремесла было почитание железа и изделий из него. При совершении обряда посвящения шаман обращался к кузнецу с просьбой сделать для него шаманские атрибуты. В целом, как заключает известный этнограф Г. Р. Галданова, в культе кузнецов и шаманов обнаруживается много общего: дархатство, как и шаманство, было наследственным, родовым. И те и другие имели духовпокровителей. Оба имели магические силы и постоянно контактировали с потусторонним миром. Все это, безусловно, не могло не отразиться и на взаимоотношениях кузнецов и шаманов. Они порой доходили до состояния конкурентной борьбы. В этой связи С. П. Балдаев сообщал: «Существует предание, что между шаманами и кузнецами было соперничество, которое возникло на почве изготовления принадлежностей шаманов – холбого, привеска вроде колокольчика к конным тростям шамана. Кузнец настаивал, что число холбого было меньше 90, но шаман боялся этого рокового числа и старался убедить кузнеца сделать их в меньшем количестве; в противном случае шаман должен скоро умереть. Из этого можно заключить, что кузнецы играли некоторую роль в прежних верованиях бурято-монгол. Это очень важный вопрос в истории шаманизма и кузнечного мастерства, вызывающего большой интерес. Материалы к обсуждению его почти не собирались, и самый вопрос не разработан и не изучен»¹⁹.

Итак, собранные в первой половине XX столетия в Прибайкалье этнографические материалы С. П. Балдаева представляют большую научную ценность, так как позволяют глубже понять феномен традиционной культуры отдельных групп бурят, в том числе такого ее основополагающего пласта, как традиционное мировоззрение и обрядовый комплекс. Исследователь в своей рабо-

¹⁵ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К-V. Оп. 1. № 10. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 8–9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К8-V. Оп. 1. № 10. Л. 7.

¹⁹ Там же. Л. 8.

те затронул важнейшие вопросы, связанные с культурами огня, неба и кузнецов. Пришел к мысли об их тесной взаимосвязи, способствовавшей формированию целостной картины мира. Полученные автором сведения обнаруживают сходство с мифоритуальным комплексом южносибирских тюрков, в частности – хакасов. Это может свидетельствовать об историко-культурных и генетических связях между этими народами в прошлом. Представленные материалы могут быть востребованы для дальнейших научных изысканий в области мифологии и ритуалов не только бурят, но и других народов Сибири.

Список литературы

- Абаева Л. Л.* Культ гор и буддизм в Бурятии (эволюция верований и культов селенгинских бурят). М.: Наука, 1991. 144 с.
- Бадмаев А. А.* Бурятские кузнецы и шаманы: зарождение и эволюция // Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные, экологические аспекты: Тез. докл. Междунар. Байкал. симпозиума. Улан-Удэ, 1996. С. 138–139.
- Бадмаев А. А.* Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997а. 160 с.
- Бадмаев А. А.* Кузнечный культ агинских бурят // Народы Сибири: история и культура: к 75-летию выдающегося этнографа проф. Г. И. Пелих. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997б. С. 102–105.
- Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: АН СССР. Сиб. отд-ние. БКНИИ, 1959. 180 с.
- Балдаев С. П.* Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 255 с.
- Балдаев С. П.* К вопросу о расселении бурятских племен и родов // УЗ БГПИ. 1958. Вып. 16. С. 158–163.
- Балдаев Сергей Петрович // Писатели Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во «Наран», 1994.
- Бурнаков В. А.* Образ неба в традиционном мировоззрении хакасов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013а. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 255–263.
- Бурнаков В. А.* Атмосферные явления в традиционных представлениях хакасов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013б. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 254–266.
- Бутанаев В. Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.
- Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.
- Дугаров Б. С.* Мифология бурятской гэсэриады: Восточные тэнгри. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 226 с.
- Дугаров Б. С.* Мифология бурятской гэсэриады: Западные тэнгри. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республ. тип-я», 2007. 268 с.
- Каратанов И.* Черты внешнего быта казачинских татар // Изв. ИРГО (извлечение). СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 6–33.
- Катанов Н. Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-Литография Имп. Казан. ун-та, 1897. 104 с.
- Кляшторный С. Г.* Тюркоязычных народов мифология // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 536–537.
- Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1987. 125 с.
- Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Михайлов Т. М.* Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
- Михайлов Т. М.* С. П. Балдаев и историческое бурятоведение // Материалы научной конференции «Цыбиковские чтения». Улан-Удэ, 1998. С. 28–30.
- Неклюдов С. Ю.* Тенгри // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988а. Т. 2. С. 500–501.
- Неклюдов С. Ю.* Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988б. Т. 2. С. 170–174.
- Неклюдов С. Ю.* Хухедей-мерген // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988в. Т. 2.
- Неклюдов С. Ю.* Сахядай-нойон // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988г. Т. 2. С. 418–419.
- Санжеев Г. Д.* Тайлаган бурятских кузнецов // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ, 1980. С. 100–120.
- Туденов Г. О., Уланов А. И.* С. П. Балдаев – фольклорист и этнограф: к 70-летию со дня

рождения / АН СССР. Сиб. отд-ние. БКНИИ. Улан-Удэ, 1959. 27 с.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Хангалов М. Н. Собр. соч. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. Т. 1. 508 с.

Цыденова Д. Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2009. 193 с.

Материал поступил в редколлегию 16.06.2014

D. Ts. Tsydenova¹, V. A. Burnakov^{1,2}

¹ Novosibirsk State University

2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS

17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ruta22@rambler.ru

**FROM THE SCIENTIFIC HERITAGE BURYAT SCIENTIST
S. P. BALDAEV**

Purpose: The purpose of the work is the analysis and characterization of a little-known archival manuscript «Cult of fire in northern Buryat-Mongols». Its author – known Buryat ethnographer and folklorist S. P. Baldaev. He studied the spiritual culture of the Buryats. After his death, left a rich scientific heritage. Currently, he collected field data are archived St.-Petersburg and Ulan-Ude. Based on the objectives were as follows: on the basis of this manuscript to identify the relationship between the worship of fire, sky, and forging a cult. Chronological framework works span the end XIX – middle XX century. The choice of these time limits is caused, first of all, the state of the source base on the research theme. The work is based on an integrated, system-historical approach to the study of the past. The research is based on historical and ethnographic methods – scientific description, a concrete historical analysis, and comparative historical relic.

Results: The authors first introduced in the scientific revolution unique materials on the traditional worldview and the Baikal Buryat shamanism. Were analyzed separately astral cults representation of atmospheric phenomena and deities-celestials, and forge a cult.

Conclusion: The ethnographic materials S. P. Baldaev of great scientific value, since they allow a deeper understanding of the phenomenon of the traditional culture of individual groups are drilled, including its basic formation such as the traditional world and ceremonial complex. Researcher in their work affected the most important issues related to cults: fire, sky, and blacksmiths. Came to think about their close relationship, contributed to the formation of a coherent picture of the world. Information obtained by the author have an affinity with myth-ritual complex of South Siberian Turkic, in particular – Khakases. This may be indicative of historical, cultural and genetic relationships among these nations in the past. Submissions may be called for further scientific research in the field of mythology and rituals not only Buryats, but also other peoples of Siberia.

Keywords: Buryats, the traditional world, myths, rituals, Tengri, smith worship, shamanism.

References

Abaeva L. L. *Kul't gor i buddizm v Buryatii (evolyutsiya verovaniy i kul'tov selenginskikh buryat)* [*Cult of Mountains and Buddhism in Buryatia (Evolution Beliefs and Practices of the Selenga Buryats)*]. Moscow, Nauka, 1991, 144 p. (in Russ.)

Badmaev A. A. Buryatskie kuznetsy i shamany: zarozhdenie i evolutsiya. *Tsentralno-aziatskii shamanism: filosofskie, istoricheskie, religioznye, ekologicheskie aspekty* [Buryat Smiths and Shamans: Origin and Evolution]. Ulan-Ude, 1996, p. 138–139. (in Russ.)

Badmaev A. A. *Remesla aginskikh buryat (k probleme etnokulturnykh kontaktov)* [Crafts Agin Buryat]. Novosibirsk, IAE Publ., 1997a, 160 p. (in Russ.)

Badmaev A. A. Kuznechnyi kult aginskikh buryat [Blacksmith cult Agin Buryat]. *Narody Sibiri: istoriya i kultura: k 75-letiyu vydayushchegosya etnografa, professora G. I. Pelikha*. Novosibirsk: IAE Publ., 1997b, p. 102–105. (in Russ.)

Baldaev S. P. *Buryatskie svadebnye obryady* [Buryat Wedding Ceremonies]. Ulan-Ude, USSR Academy of Sciences Publ., 1996, 180 p. (in Russ.)

Baldaev S. P. *Izbrannoe* [Favorites]. Ulan-Ude, Buryat. Kn. Publ., 1991, 255 p. (in Russ.)

Baldaev S. P. K voprosu o rasselenii buryatskikh plemen i rodov [On the Issue of Resettlement of Buryat Tribes and Clans]. *Uchenye zapiski BGPI*, 1958, iss. 16, p. 158–163. (in Russ.)

Baldaev Sergei Petrovich [Baldaev Sergei Petrovich]. *Pisateli Buryatii*. Ulan-Ude, Naran Publ., 1991. (in Russ.)

Burnakov V. A. Obraz neba v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [The Sky in the Traditional World Khakasians]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2013a, vol. 12, iss. 5: Archaeology and Ethnography, p. 255–263. (in Russ.)

Burnakov V. A. Atmosfernye yavleniya v traditsionnykh predstavleniyakh khakasov [Atmospheric Phenomena in Traditional Representations Khakasians]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2013b, vol. 12, iss. 3: Archaeology and Ethnography, p. 254–266. (in Russ.)

Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts. Traditsionnye astral'nye vozzreniya khakasov [Traditional views astral Khakasians]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2012b, vol. 11, iss. 7: Archaeology and Ethnography, p. 270–278. (in Russ.)

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar'* [The Khakass-Russian Historical-Ethnographic Dictionary]. Abakan, Khakasiya Publ., 1999, 240 p. (in Russ.)

Galdanova G. R. *Dolamaistskie verovaniya buryat* [Dolamaistskie Beliefs Buryats]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 116 p. (in Russ.)

Dugarov B. S. *Mifologiya buryatskoi geseriady: Vostochnye tengri* [Mythology Buryat Geseriada Oriental Tengri]. Ulan-Ude, BNTS Publ., 2005, 226 p. (in Russ.)

Dugarov B. S. *Mifologiya buryatskoi geseriady: Zapadnye tengri* [Mythology Buryat Geseriada: Western Tengri]. Ulan-Ude, Republic Publ., 2007, 268 p. (in Russ.)

Karatanov I. Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features External Life Kaczynski Tatars]. *Izvestiya IRGO*, 1884, vol. 20, iss. 6, p. 6–33. (in Russ.)

Katanov N. F. *Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sentebrya 1896 g. v Minusinskii okrug Enisseiskoi gubernii* [Trip Report, Done from May 15 to Sept. 1. 1896 Minusinsk District Yenisei Province]. Kazan', Tipo-Litografiya Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta, 1897, 104 p. (in Russ.)

Klyashtorni S. G. Tyurkoyazychnykh narodov mifologiya [Turkic Peoples Mythology]. *Mify narodov mira* [The World's Nations Mythology]. Moscow, Soviet. Encyclopedia Publ., 1988, vol. 2, p. 536–537. (in Russ.)

Manzhigeev I. A. *Buryatskie shamanisticheskie i do shamanisticheskie terminy: opyt ateisticheskoi interpretatsii* [Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms: Experience Atheistic Interpretation]. Moscow, Nauka, 1987, 125 p. (in Russ.)

Mikhailov T. M. *Iz istorii buryatskogo shamanisma (s drevneishikh vremen po XVIII vek)* [History of Buryat Shamanism (From Ancient to the XVIII Century)]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 320 p. (in Russ.)

Mikhailov T. M. *Buryatskii shamanism: istoriya, struktura i sotsialnye funktsii* [Buryat Shamanism: History, Structure and Social Functions]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 288 p. (in Russ.)

Mikhailov T. M. S. P. Baldaev ii istoricheskoe buryatovedenie [S. P. Baldaev and historical of Buryat]. *Materialy nauchnoi konferentsii «Tsybikovskie chteniya»*. Ulan-Ude, BNTS Publ., 1998, p. 28–30. (in Russ.)

Neklyudov S. Yu. Tengri [Tengri]. *Mify narodov mira* [The World's Nations Mythology]. Moscow, Soviet. Encyclopedia Publ., 1988a, vol. 2, p. 500–501. (in Russ.)

Neklyudov S. Yu. Mongol'skikh narodov mifologiya [Mythology of Mongolian People]. *Mify narodov mira [The World's Nations Mythology]*. Moscow, Soviet. Encyclopedia Publ., 1988b, vol. 2, p. 170–174. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Khukhedei-mergen [Khukhedei-mergen]. *Mify narodov mira [The World's Nations Mythology]*. Moscow, Soviet. Encyclopedia Publ., 1988c, vol. 2, 609 p. (in Russ.)

Neklyudov S. Yu. Sakhyadai-noion [Sakhyadai-noion]. *Mify narodov mira [The World's Nations Mythology]*. Moscow, Soviet. Encyclopedia. Publ., 1988d, vol. 2, p. 418–419. (in Russ.)

Sanzheev G. D. Tailagan buryatskikh kuznetsov [Taylagan Buryat smiths]. *Byt buryat v nastoyashchem i proshlom*. Ulan-Ude, Buryat. Filial SO AN USSR Publ., 1998, p. 100–120. (in Russ.)

Tudenev G. O., Ulanov A. I. *S. P. Baldaev – folklorist i etnograf: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya [S. P. Baldaev – Folklorist and Ethnographer: the 70th Anniversary]*. Ulan-Ude, 1959. 27 p. (in Russ.)

Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.

Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Ulan-Ude, Republic Publ., 2004, vol. 1, 508 p. (in Russ.)

Tsydenova D. Ts. Predstavleniya aginskikh buryat o zhizni i smerti (konets XIX – nachalo XX v.) [*Agin Buryat Representation of Life and Death (Late XIX – Early XX Century)*]. Novosibirsk, 2009, 193 p. (in Russ.)